

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

**Национально-специфические реалии в романе
Дж. Остин «Нортенгерское аббатство» и его переводах
на русский язык**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:
Чистякова Дарья Юрьевна,
Обучающийся 431 группы

подпись

Руководитель:
Кузина Юлия Викторовна,
к. ф. н., ст. преподаватель

подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	6
1.1 Понятие языковой картины мира.....	6
1.2 Понятие национально-специфической реалии	10
1.2.1 Определение и классификация национально-специфических реалий	10
1.2.2 Способы перевода национально-специфических реалий.....	15
1.3 Значимость реалии как средства выражения языковой картины мира	19
ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОМАНА «НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО» В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	23
2.1 Классификация национально-специфических реалий романа «Нортенгерское аббатство»	23
2.3 Сопоставительный анализ дефиниций реалий оригинала с эквивалентами переводов ..	31
2.3.1 Совпадение эквивалентов	32
2.3.2 Сравнение эквивалентов двух переводов.....	38
2.4 Связь между типом реалии, способом перевода и передачей объёма значения	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	59

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена **проблемам** перевода безэквивалентной лексики, в частности, национально-специфических реалий. Эти проблемы рассматриваются в рамках теории и практики перевода и переводоведения. Данную тематику в своих работах освещали такие российские лингвисты, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер и многие другие.

Перевод реалий — часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит, должно быть, к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины [Влахов, Флорин 2012: 5]. Однако изучая национально-специфические реалии, мы не можем не отметить, что они являются одним из наиболее ярких способов выражения языковой картины мира. Понятие языковой картины мира изучали многие лингвисты, психологи и другие специалисты, интересующиеся связями между объектами реальности и их обозначением в сознании человека, которое происходит через язык. Именно в языке отражается совокупность представлений о мире того народа, который на нем говорит. В условиях современной лингвистики, которая интересуется связью между сознанием человека, отражением в нем объектов реальности и языком, мы можем говорить об **актуальности** нашей работы. Этим темам посвящён ряд работ последних лет (Каналаш, 2011; Минченков, 2016; Абдразакова, 2016; Алексеева, 2010). Элементом **новизны** является материал, на котором будет проводиться исследование.

Таким образом, **объектом** курсовой работы выбраны национально-специфические реалии в романе английской писательницы Дж. Остин «Нортенгерское аббатство».

Предметом исследования выступают лексемы, репрезентующие национально-специфические реалии в оригинальном и переводных текстах.

Материалом исследования послужили лингвистические репрезентации национально-специфических реалий в романе Джейн Остин «Нортенгерское аббатство» и его переводах на русский язык, выполненных И. С. Маршаком и А. Б. Грызуновой. Методом сплошной выборки из текста произведения было получено 34 реалий.

Цель настоящей выпускной квалификационной работы – выявить и описать особенности языковой репрезентации национально-специфических реалий в романе Дж. Остин «Нортенгерское аббатство» и его переводах на русский язык И. Маршака и А. Б. Грызуновой, а также сравнить тексты переводов на предмет более полной передачи объёма лексического значения реалий, следовательно, национально-культурного компонента произведения.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. проанализировать научную литературу по теме исследования и определить степень изученности проблемы;
2. определить понятия «национально-специфическая реальия», «языковая картина мира»;
3. определить круг реалий в романе Дж. Остин «Нортенгерское аббатство»;
4. сравнить словарные дефиниции реалий оригинала и их эквивалентов в переводах на русский язык авторства И. С. Маршака и А. Б. Грызуновой на предмет полноты передачи значения;
5. выявить, какие способы перевода помогают передать национально-специфический компонент значения;
6. выявить, какой тип реалий чаще всего при переводе сохраняет национально-специфический компонент значения.

Теоретической базой послужили работы видных исследователей национальной языковой картины мира и национально-специфических реалий

(Л. Вайсгербер, В. С. Виноградов, С. Влахов, В. фон Гумбольдт, А. А. Зализняк, Г. Д. Томахин, С. Флорин).

Методология данного исследования включает в себя сплошную выборку, сопоставительный анализ, а также компонентный анализ в его дефиниционной разновидности.

Данная выпускная квалификационная работа прошла **апробацию** на X международной студенческой конференции “Актуальные проблемы лингвистики и методики” [Екатеринбург 2018].

Структура выпускной квалификационной работы продиктована её содержанием и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 52 источника. Текст работы составляет 63 страницы.

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В данной главе мы ставим себе задачу осветить теоретическую базу основных понятий нашего исследования – «языковая картина мира» и «национально-специфическая реальия». Поэтому в нижеследующих параграфах приводится обзор работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных интересующим нас понятиям и связи между ними.

1.1 Понятие языковой картины мира

Изучая новый язык, мы сталкиваемся не только с различиями в грамматических структурах родного и изучаемого языка или в их лексических составах. Посредством языка мы открываем новую культуру с её особенностями, которая может в корне отличаться от привычного нам миропонимания. В некоторых случаях мы говорим о разнице в менталитете, которая отражается в языке. Это обуславливается тем, что любой народ проходит собственный путь развития, и каждая новая ступень добавляет к языку новые понятия и категории, присущие именно этой этнической группе. Под влиянием разных факторов, таких как окружающая среда, религия, культура, контакты с другими народами, происходит формирование картины мира, присущей данному этносу в целом и отдельно взятому человеку.

Понятие языковой картины мира изучали многие лингвисты, психологи и другие специалисты, интересующиеся связями между объектами реальности и их обозначением в сознании человека, которое происходит через язык. Именно в языке отражается совокупность представлений о мире того народа, который на нем говорит.

Впервые термин «картина мира» стал использоваться в исследованиях в области физики в конце XIX – начале XX вв. А. Эйнштейн утверждал: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» [Цит. по: Ярцева 2010: 87].

Прежде всего необходимо разграничить понятия «картина мира» и «языковая картина мира». Картиной мира принято называть совокупность целостных и систематизированных представлений и знаний человеческих общностей и отдельного человека о мире, основанных на мировосприятии. Если мы рассматриваем национальную картину мира, это значит, что нас интересуют представления о мире человеческой общности, объединённой этническим признаком. Согласно В. В. Морковкину и А. В. Морковкиной, картина мира обобщает информацию, полученную человеком различными путями: это может быть как врождённое знание, так и опыт, приходящий в результате взаимодействия человека с обществом или окружающим его миром. Языковая картина мира базируется на знании, полученном путём изучения и осмысления родного языка, его категорий и словарного состава. При этом необходимо отметить, что любая информация, полученная человеком, в той или иной степени обуславливается языком, на котором он говорит. Соответственно, мы можем утверждать, что языковая картина мира соотносится с картиной мира, как частное с целым [Гончарова 2012: 399]. Кроме того, в терминологии выделяют также научную картину мира, но в данном исследовании нас интересует лингвистическая сторона вопроса.

В языкознании нет единственно верного определения языковой картины мира, каждый исследователь предлагает свой вариант. К примеру, А. А. Зализняк пишет, что языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, заключённых в значении единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических кон-

струкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов или предписаний [Зализняк 2006: 206].

Согласно Н. Ю. Шведовой, языковая картина мира – это выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своём строении и в осмысляемых языком связях своих частей у представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и во-вторых, всё то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум [Шведова 1999: 15].

Считается, что понятие о языковой картине мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта. Он отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 324]. По его мнению, на формирование системы понятий человека влияет в первую очередь язык, который фиксирует особое национальное мировоззрение.

Также основания для выделения языковой картины мира даёт гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Они утверждают, что у разных народов разный не только язык, но и само «видение мира»; каждый народ видит мир через призму своего языка, и поэтому мыслит и действует иначе, чем другие народы [Цит. по: Маслов 1987: 100]. Кроме того, есть смысл говорить о двойственности языковой картины мира, так как в ней отражается весь материальный мир, окружающий носителя языка, но при этом именно язык, как призма, через которую проходит вся обрабатываемая человеком информация, определяет его мышление и поведение.

Также над понятием ЯКМ работал немецкий языковед, представитель неогумбольдтианского направления, Л. Вайсгербер. Он выделяет следующие характеристики ЯКМ:

- 1) языковая картина мира — это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной

- языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка;
- 2) языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития;
 - 3) языковая картина мира чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж;
 - 4) языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе;
 - 5) языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка;
 - 6) языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка;
 - 7) картина мира какого-либо языка является той преобразующей силой языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка;
 - 8) языковая картина мира конкретной языковой общности и есть её общекультурное достояние [Вайсгербер 2004: 149].

Таким образом, мы можем утверждать, что понятие «языковая картина мира» охватывает систему человеческого мировосприятия, присущего отдельной народности, и её выражение в языке, на котором эта народность говорит. Система и язык находятся под взаимным влиянием, и рассматривать одно без учёта другого – значит, потерять ту часть информации, которую люди вкладывают в речь, и которая интересует нас в данном исследовании. Языковая картина мира не создаёт индивидуальный образ мира, но специфически окрашивает воспринимаемый носителями языка окружающий мир.

1.2 Понятие национально-специфической реалии

1.2.1 Определение и классификация национально-специфических реалий

С национально-специфическими реалиями переводчики встречались на протяжении практически всей истории существования переводческой деятельности, но серьёзно к их изучению подошли только в середине прошлого века, так как в это время начала развиваться тесная связь переводоведения с другими лингвистическими науками: лингвострановедением, лингвокультурологией, этнолингвистикой, сопоставительной лингвистикой, теорией межкультурной коммуникации и проч. Каждая из этих наук рассматривает реалию под особым углом и пользуется при этом различными методами. Помимо того, существует два основных подхода к определению сущности реалий: переводческий и страноведческий [Алексеева 2007: 338]. Но поскольку страноведческий подход учитывает множество факторов, не поддающихся классификации, и в данной работе изучаются вопросы перевода реалий, то мы будем придерживаться именно переводческого подхода.

Прежде чем приступить к подробному анализу материала исследования на предмет использования реалий как средств выражения языковой картины мира,

необходимо дать само определение реалии, а также указать, почему так важно их отображение в тексте перевода.

Национально-специфические реалии существуют в каждом языке почти во всех сферах деятельности человека. Если углубиться в этимологию, то можно обнаружить, что слово «реалия» пришло в наш язык из латыни, где оно было прилагательным среднего рода множественного числа (*realis*, -e, мн. *realia*) и обозначало понятия «вещественный», «действительный» [Влахов, Флорин: 2012, 6]. Перейдя в русский язык, слово изменило свой грамматический облик, но семантика осталась той же – реалией мы называем какой-либо объект действительности.

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой указано, что реалия – это «предмет или явление материальной культуры» [Ефремова 2007: 68]. Именно это мы подразумеваем, когда говорим о, например, реалиях европейского общества – то есть, имеем в виду референт, сам объект действительности, который обозначается денотатом – реалией-словом, которая как раз и является предметом интереса многих лингвистов и объектом нашего исследования.

Как и многие термины из области переводоведения, реалия имеет множество определений, и каждое из них по-своему передаёт её суть. Рассмотрим некоторые из них.

Впервые термин «реалия» в российском переводоведении появился в 1960-х гг. в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, где приводится следующее определение: «1. В классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения отражения их в данном языке. 2. Предметы материальной культуры» [Ахманова 1966: 381].

С. Влахов и С. Флорин в своей книге «Непереводимое в переводе» называют реалиями слова, называющие элементы быта и культуры, исторической

эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам [Влахов, Флорин 2012: VI].

Г. Д. Томахин определяет реалии как названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п. [Томахин 1988: 5].

Л. С. Бархударов даёт более ёмкое определение: реалии – это предметы и явления, специфичные для данного народа и страны [Бархударов 1975: 13].

В. С. Виноградов в своей книге «Введение в переводоведение» пишет, что «под реалиями понимают не только сами факты (истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п.), явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания» [Виноградов 2001: 19].

Одной из отличительных черт реалии как понятия из области переводоведения, по мнению Г. Д. Томахины, является тесная связь обозначаемого ею предмета (понятия, явления) с народом или страной, с одной стороны, а также с историческим отрезком времени – с другой [Томахин 1988: 7].

Подытожив все эти определения, мы можем заключить, что реалии отражают весь материальный и культурный опыт, накопленный отдельно взятым народом, облаченный в особые понятия, не имеющие аналогов в языках других народов. Чтобы максимально точно и адекватно передать такие понятия средствами другого языка, переводчик должен обладать обширными фоновыми знаниями о культуре, истории, менталитете, особенностях быта народа-носителя исходного языка. «Осуществление перевода в принципе немыслимо без участия экстралингвистических факторов», – комментирует данный вопрос Л. С. Бархударов [Бархударов 1975: 130].

Равно как и определений реалии, существует несколько классификаций. Свои варианты предлагали Г. Д. Томахин, В. С. Виноградов и другие учёные, но в данной работе мы придерживаемся классификации, разработанной и предложенной С. Влаховым и С. Флориным. Общая её схема такова:

1. Предметное деление;
2. Местное деление;
3. Временное деление;
4. Переводческое деление [Влахов, Флорин 2012: 50].

Эти категории включают в себя одни и те же национально-специфические реалии, но рассматривают их под разным углом. Далее мы предлагаем ознакомиться с каждой из них.

Предметное деление – самая обширная категория, включающая в себя три основных пункта: географические реалии, этнографические реалии и общественно-политические реалии. Группа *географических реалий* довольно близка к терминам, и поэтому при переводе следует учитывать множество показателей, начиная со словарей и заканчивая контекстом. В данной группе выделяются: «названия объектов физической географии, в т.ч. метеорологии»; «названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью»; «названия эндемиков». Группа *этнографических реалий* основана на понятиях, называющих элементы культурной и духовной жизни народа, формы материальной культуры и т.д. Эти реалии делятся на пять пунктов: «быт», «труд», «искусство и культура», «этнические объекты», «меры и деньги» – которые, в свою очередь, имеют от трёх до одиннадцати подпунктов, максимально широко охватывающих всё то, что можно отнести к культуре народа, как материальной, так и духовной. Группа *общественно-политических реалий*, как это можно понять из названия, включает в себя реалии, касающиеся непосредственно жизни общества и его политического устройства. Здесь мы видим четыре пункта: «административно территориальное устройство», «органы и носители власти», «обще-

ственно-политическая жизнь», «военные реалии». Как и в предыдущей категории, они уточнены множеством подпунктов.

Местное деление основано не на строго территориальном, то есть, экстралингвистическом принципе, но на языковом, который выделяет два подхода к разделению реалий: *в плоскости одного языка* (где выделяются подпункты «свои», то есть исконные слова данного языка, и «чужие», заимствования либо кальки, прочно обосновавшиеся в языке), а также *в плоскости пары языков*, где реалии рассматриваются с точки зрения перевода (делится на «внешние», одинаково чуждые и языку перевода, и языку оригинала, и «внутренние», принадлежащие одному из пары языков). «Свои» реалии могут быть национальными, локальными или же микрореалиями, «чужие» – интернациональными или региональными. Это зависит от ареала распространения предмета, который называет реалия.

Временное деление реалий включает в себя пять основных факторов, на основе которых все реалии можно разделить на «современные» и «исторические». Первый фактор – *связь реалий по предмету и времени*. Здесь имеется в виду та ситуация, когда статус реалии у слова может появляться либо исчезать в зависимости от распространённости его употребления. *Связь реалий по месту и времени* как бы объединяет исторические и национальные реалии: например, реалию «ликбез» мы можем отнести как к Советскому союзу как государству, так и к периоду внедрения программы ликвидации безграмотности. Реалия «амфора» одновременно относится к Греции как месту, где изготавливались данные предметы, и к периоду их использования – Древней Греции. Третий фактор – *введение в язык чужих реалий* – достаточно прозрачен в своём названии. Известно, что слово заимствуется в любой язык вместе с предметом или явлением, который оно называет, и происходит это периодами, обычно обусловленными новыми течениями в науке, искусстве, политике или жизни общества. Четвёртый фактор является неким «особым случаем» третьего – *литера-*

турный путь поступления реалий. Имеется в виду ситуация, когда писатель или переводчик, описывая жизнь народа, вводит в своё повествование реалии, и именно из этого литературного произведения она проникает в речь другого народа. Последним фактором в данной категории является *освоение чужих реалий*, то есть, их полная адаптация в языке. Здесь в зависимости от степени освоенности реалий их можно разделить на «знакомые», то есть часто встречающееся в литературе, средствах массовой информации и речи носителей языка, и «незнакомые», которые ещё не вошли в лексику языка и не используемые свободно его носителями.

Переводческое деление реалий имеет лишь два критерия: реалия либо *переводима*, то есть, в словарном составе языка фигурирует определённое эквивалентное слово или выражение, либо *непереводима*, когда её приходится передавать с помощью описания. Трудность состоит в том, что изначально все реалии непереводимы, и даже если ей есть соответствие в языке перевода, то это значит, что какой-то переводчик уже работал с ней и смог подобрать эквивалентное выражение, максимально приближенное по значению к тому, которое подразумевалось в языке оригинала.

1.2.2 Способы перевода национально-специфических реалий

Для начала следует заметить, что реалии относятся к безэквивалентной лексике, и именно поэтому способы их перевода являются одним из самых важных вопросов в переводоведении. «Безэквивалентными являются слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Томахин 1988: 5].

Словарного эквивалента для реалий не существует – значит, необходимо искать такой способ перевода, который сможет сохранить их значимость для со-

здания национального колорита произведения, но при этом свести к минимуму «чужеродность» слова или словосочетания в тексте. А. В. Фёдоров полагает, что опорой для создания соответствия реалии служат два фактора: содержание контекста, наталкивающее на выбор нужного слова и исключаящее использование неподходящих данных словаря, и аналогия с параллельными случаями [Фёдоров 2002: 142].

Некоторые переводчики, сталкиваясь с национально-специфическими реалиями при переводе, пытались заменить их подобными реалиями переводящего языка. Эта ситуация показана в труде В. В. Сдобникова и О. В. Петровой «Теория перевода», где приводится пример перевода сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», выполненный В. В. Набоковым [Сдобников, Петрова 2001: 394]. Перевод получил название «Аня в стране чудес», что готовит читателя к описаниям приключений русской девочки, но это не совсем так. Часть реалий заменена на русские, а часть остаётся английскими или ссылается на английскую действительность, что приводит читателя в замешательство. Таким образом, авторы учебника делают вывод: полностью заменить «чужие» реалии на «свои» тоже невозможно. В таком случае остаётся лишь один выход – прибегать к каким-либо переводческим трансформациям.

Изначально, в исследованиях 1950-х годов, лингвисты отмечали лишь два-три способа перевода национально-специфических реалий: заимствование, описание и, в некоторых случаях, калькирование. Но наука о переводе двигалась вперёд, и дальнейшие исследования реалий привели к тому, что на данный момент описано множество способов перевода реалий.

Г. Д. Томахин приводит пять приёмов перевода: транскрипция или транслитерация, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод, трансформационный (контекстуальный) перевод [Томахин 1988: 31]. Можно сказать, что эти приёмы являются ключевыми при переводе реалий. Но мы встречаем расширенный перечень способов перевода у С. Влахова и

С. Флорина. Они объединили несколько способов в один – перевод, и противопоставили его транскрипции. Такова их схема приёмов передачи реалий:

I. Транскрипция – механическое перенесение реалии из исходного языка в переводящий язык средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме;

II. Перевод:

1. Введение неологизма:

- a. Калька – заимствование слова или оборота путём его буквального перевода (обычно по частям);
- b. Полукалька – заимствования, состоящие частью из материала собственного языка, а частью – из материала иноязычного слова;
- c. Освоение – адаптация иноязычной реалии путём придания ей на основе иноязычного материала обличий родного слова;
- d. Семантический неологизм – слово или словосочетание, «сочинённое» переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии, не имея при этом этимологической связи с оригиналом.

2. Приблизительный перевод:

- a. Родо-видовое соответствие – приблизительная передача содержания реалии единицей с более широким значением, подставляя родовое понятие вместо видового, другими словами – генерализация;
- b. Функциональный аналог – замена «чужой» реалии на «свою», знакомую читателю;
- c. Описание (объяснение, толкование).

3. Контекстуальный перевод – замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним [Влахов, Флорин 1980: 93].

Данные приёмы перевода в своей книге «Введение в переводоведение» критикует В. С. Виноградов. Он считает, что освоение нельзя рассматривать как переводческий прием, так как это длительный процесс вхождения слова в язык, а создание переводчиком нового слова и искусственное введение его в язык – единичный акт. Также В. С. Виноградов полагает, что современные переводчики не берутся придумывать новые слова или калькировать реалии, являющиеся неотъемлемой частью национального языка, хорошо знакомые носителям. Кроме того, он не согласен с термином «приблизительный перевод», называя его слишком расплывчатым. В настоящей работе мы соглашаемся с В. С. Виноградовым и считаем нужным привести его схему способов перевода национально-специфических реалий:

1. Транскрипция (транслитерация), дополненная сносками или объяснениями в тексте перевода.
2. Гипо-гиперонимический перевод, при котором устанавливаются отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видо-вое понятие-реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие.
3. Уподобление, где вновь незнакомые читателю реалии чужого народа переводятся «своими», понятными реалиями. Виноградов отмечает, что при таком способе переводе степень понятийного сходства выше, чем при гипо-гиперонимическом переводе.
4. Перифрастический (описательный) перевод, при котором реалия переводится словом или словосочетанием, объясняющим её смысл.

5. Калькирование, к которому переводчик прибегает, если следует воссоздать индивидуально-авторские неологизмы, а также при переводе поговорок и пословиц [Виноградов 2001: 117].

Однако, сколько бы ни было представлено разными исследователями методов перевода национально-специфических реалий, в целом их мнения совпадают. Например, переводчику не следует злоупотреблять транскрипциями и транслитерациями, использовать их лишь в крайнем случае. Наиболее удачным считается перевод, основанный на принципе родо-видовой замены, описательный или подбор функционального аналога. Но каждый способ имеет свои преимущества и недостатки, поэтому иногда наиболее разумным переводческим решением становится сочетание нескольких из них (например, транскрипция + калькирование). Также, если реалия не несёт очень важной смысловой нагрузки в произведении, но при этом сложно поддаётся передаче на переводящий язык, её можно выпустить, но необходимо понимать, что такой приём снижает художественную ценность и национально-специфическую окраску переводного текста. Но, безусловно, выбор приёма передачи реалии зависит не от желания переводчика, а от особенностей текста.

1.3 Значимость реалии как средства выражения языковой картины мира

Как мы упоминали ранее, языковая картина мира находит свое отражение в языке, а значит, и в речи. Речевое поведение имеет национально-культурную основу, лингвистические предпочтения тесно связаны с привычками поведения, коммуникации, принятыми в отдельной культуре [Рапопорт 2014: 246]. Из-за влияния различных экстралингвистических факторов в культуре народа возникают понятия, образы, символы, характерные для данного народа, широко используемые в коммуникации. Совокупность знаков, связей между ними, ассо-

циаций, близких носителям языка, но непонятных человеку, принадлежащему другой языковой общности, встречается в фольклорных и художественных произведениях, создавая определённые трудности для перевода. Считается, что национально-культурная семантика языка наиболее полно выражается в словах и фразеологизмах.

Реалии, как слова, называющие объекты действительности отдельной культуры, можно назвать одним из самых ярких средств для выражения как языковой картины мира, так и картины мира в целом. В них изначально заложен колорит, задающий национальный фон художественного произведения. Незначительные детали материального быта людей, особенности их обращения друг к другу, на которые читатель редко обращает внимание в тексте на родном языке, становятся серьёзной составляющей для погружения в чужую культуру посредством художественного текста. Также на реалии приходится стилистическая нагрузка. Именно поэтому передача содержания реалий и выравнивание их функционально-стилистических характеристик и есть основная, и вместе с тем довольно сложная задача, нацеленная на достижение одинакового воздействия на читателя перевода и оригинала. Чтобы обеспечить это воздействие, переводчики прибегают к способам и приёмам, описанным в предыдущем параграфе. При этом следует воздерживаться от чрезмерной подачи материала через призму собственной картины мира, как общей, так и языковой, иначе перевод может исказить исходное произведение в рамках его национальной специфики.

Таким образом, мы плавно перешли к следующему вопросу: значимость реалии в переводе и необходимость её передачи на переводящий язык.

Н. А. Мороз считает, что перевод реалий на другой язык становится достаточно сложной задачей, которая включает передачу понятийного содержания <...> лексических единиц и выравнивание их функционально-стилистических характеристик для достижения равноценного воздействия того и другого текста на читателя [Мороз 2009: 115].

Следовательно, вслед за многими лингвистами, занимавшимися проблемами безэквивалентной лексики вообще и национально-специфическими реалиями в частности, мы утверждаем, что передача реалий существенно важна для сохранения национальной атмосферы произведения. Ведь, как это было сказано в приведённых выше определениях, в реалиях находит выражение многовековой пласт культуры и быта. Пренебречь им при переводе – значит обделить читателя, не знакомого с особенностями страны, на языке которой написан оригинал, довольно значимой информацией для понимания всего произведения.

Обзор исследований в областях языковой картины мира и национально-специфических реалий позволяет нам сделать следующие выводы:

- Языковая картина мира содержит в себе весь накопленный отдельной языковой общностью опыт, отражённый в языке. Это система мировосприятия, которая самым тесным образом связана с языком, и они не могут функционировать по отдельности.
- Реалии – это слова, обозначающие предмет материальной или нематериальной культуры, являющиеся уникальными для каждого народа. Они могут описывать быт людей, организацию их общества, их видение мира. Именно поэтому можно считать их средством отражения языковой картины мира в художественных произведениях. Она отражает в себе весь накопленный в ходе развития опыт взаимодействия отдельно взятого общества с окружающим миром.

Правильная передача национально-специфических реалий при создании текста перевода художественного произведения на другом языке ведёт к максимально полному пониманию описываемой в оригинале ситуации и сохранению

национального колорита. Поэтому переводчик должен иметь широкие фоновые знания о культуре людей-носителей языка, а также свободно владеть способами перевода реалий. Опущение реалий может исказить культурологический аспект литературного или фольклорного произведения, и у читателя не возникнет ощущения полного «погружения», следовательно, перевод нельзя будет отождествлять с оригиналом, что будет свидетельствовать о некачественной работе переводчика. В таком случае понимание языковой картины мира другого языкового и культурного общества будет неполным.

ГЛАВА 2. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОМАНА «НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО» В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В ходе исследования методом сплошной выборки мы получили 34 реалии оригинального текста. Чтобы получить полное представление о реалиях и их референтах, являющихся национально-специфическими элементами романа, задающими его атмосферу, мы проанализировали их с точки зрения классификации, описанной нами в теоретической части данного исследования. Также мы пронаблюдали, какими способами перевода воспользовался каждый из авторов переводных текстов. После чего мы провели подробный дефиниционный анализ реалий романа и их эквивалентов в двух вариантах перевода и сделали выводы о том, какие приёмы перевода и какой тип реалий чаще остальных сохраняют национальную специфику оригинальных лексем.

2.1 Классификация национально-специфических реалий романа «Нортенгерское аббатство»

В предыдущей главе мы подробно описали две классификации национально-специфических реалий, предложенных разными исследователями, и остановили свой выбор на той, которую мы сочли более обширной и обоснованной – классификации С. Влахова и С. Флорина.

В ходе исследования мы проклассифицировали все найденные нами реалии и представили результаты в виде диаграмм, которые отражают четыре деления: предметное, местное, временное и переводческое.

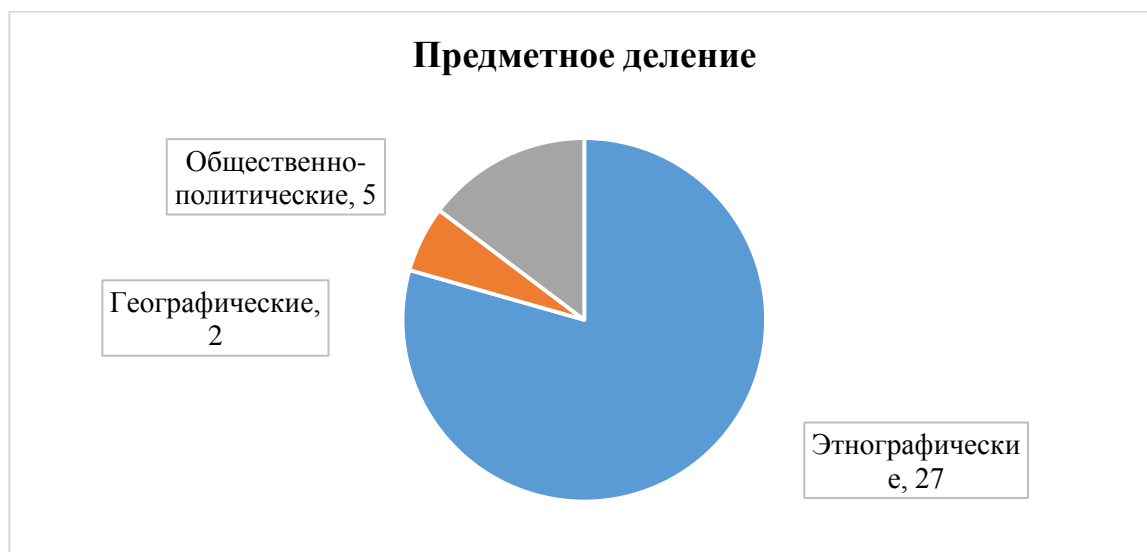

Рис. 1 Классификация реалий романа по предметному делению

Сначала необходимо описать реалии с точки зрения предметного деления. Этнографических реалий насчитывается абсолютное большинство – 27. Среди них наиболее обширную группу составляют реалии быта, в которой встречаются следующие разделы: «транспорт» (phaeton, curricle, travelling-chaise); «жильё, мебель, посуда и прочая утварь» (lodging, parsonage); «одежда, обувь, головные уборы» (greatcoat, pelisse, tippet), а также «другие» (pump-room, mess-room). Следующая группа – реалии труда, представленная разделом «люди труда» (post-boy, outrider). Реалии искусства и культуры представлены разделами «музыка и танцы» (cotillion) и «обычаи, ритуалы» (dressed ball). Реалии мер и денег репрезентованы двумя лексемами (bank-bill, guinea). Следующий по численности единиц класс – общественно-политические реалии. В этом классе насчитывается 5 лексем, которые составляют группу реалий общественно-политической жизни, а именно, раздел «сословия, касты и их члены». В этот раздел включены все реалии, так или иначе связанные с церковью (incumbent, curate, peerage). Наконец, класс географических реалий представлен всего двумя лексемами, одна из которых относится к группе «названия объектов физической географии и

метеорологии» (scud) и «названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью» (rampart).

Рисунок 2

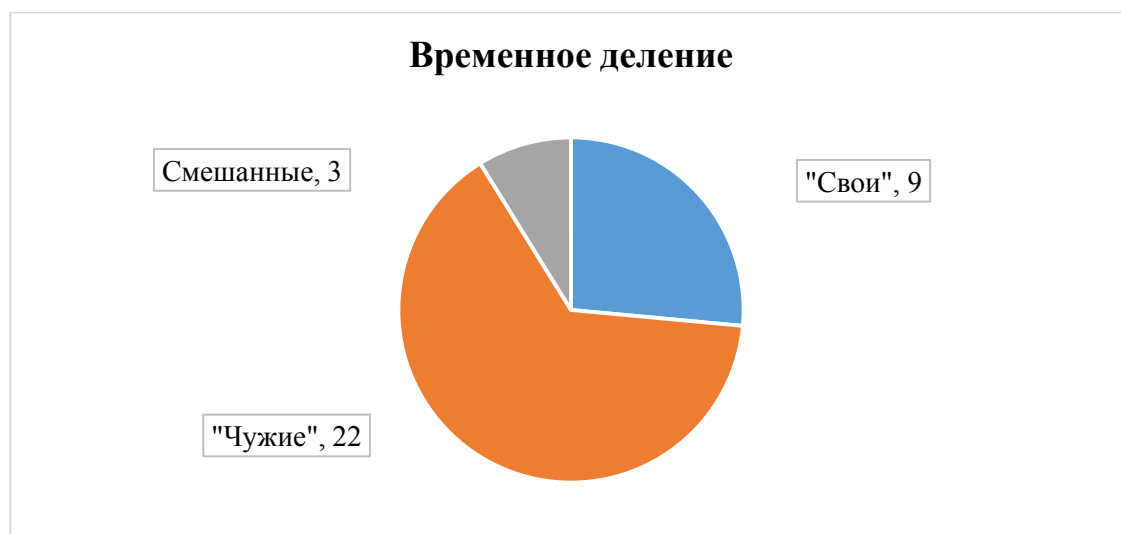

Рис. 2 Классификация реалий романа по временному делению

Анализ реалий с точки зрения местного деления заставляет углубиться в этимологию слов. В плоскости одного языка мы наблюдаем 9 «своих» реалий (bank-bill, see-saw, tippet), в которых и референт, и само слово имеют исконно английское происхождение, и 22 «чужих» (guinea, chaperone, pelisse), которые в определенный период времени были заимствованы из других языков, преимущественно из французского. Также среди реалий встретилось 3 словосочетания, в которых одно слово имеет исконно английское происхождение, а другое было заимствовано (leave of absence, post-boy), или же оба были заимствованы, но из разных языков (sash window). Рассматривая реалии в плоскости двух языков, а именно английского и русского, мы можем утверждать, что все описываемые нами реалии являются внутренними для английского языка и внешними – для русского.

Временное деление используемых в романе реалий мы можем прокомментировать следующим образом: на момент конца XVIII века в Англии все они

являются современными, имеют связь со своим референтом; заимствованные реалии введены довольно давно и уже прижились в языке, став «знакомыми» для носителей языка.

Рисунок 3

Рис. 3 Классификация реалий романа по переводческому делению

Что касается условного и довольно размытого переводческого деления, практически все реалии романа можно считать переводимыми, подобрать эквивалент для которых не составляет большого труда. К группе непереводимых реалий, для передачи которых нужно прибегать к описанию, мы отнесли 5 лексем (rampart, mess-room, scud, sash window, quadrangle).

Таким образом, мы можем заметить, что национально-специфические реалии романа «Нортенгерское аббатство» охватывают достаточно многие сферы жизни людей того времени, и, ввиду своей принадлежности к определённым тематическим группам, дают представление о жизни и быте английского дворянства начала XVIII века.

2.2 Способы перевода национально-специфических реалий романа «Нортенгерское аббатство»

Описывая способы перевода национально-специфических реалий в данном романе, мы решили опираться на схему способов перевода реалий, предложенную В. С. Виноградовым.

Ниже приведена таблица реалий романа с эквивалентами и способами переводов.

Таблица 1

Способы перевода реалий

Реалия	Эквивалент из перевода И. С. Маршака	Способ перевода	Эквивалент из перевода А. Грызуновой	Способ перевода
bank-bill	«чек»	Уподобление	«кредитный билет»	Уподобление
guinea	«гинея»	Транскрипция	«гинея»	Транскрипция
lodging	«комнаты»	Гипо-гиперонимический перевод	«комнаты»	Гипо-гиперонимический перевод
chaperone	«миссис Аллен»	Перифрастический перевод	«дуэнья»	Уподобление
pump-room	«галерея-бювет»	Уподобление	«бювет»	Уподобление
pelisse	«ротонда»	Уподобление	«накидка»	Гипо-гиперонимический перевод
see-saw	«качели»	Гипо-гиперонимический перевод	«доска»	Гипо-гиперонимический перевод
tippet	«палантин»	Уподобление	«палантин»	Уподобление
cotillion	«котильонный бал»	Транскрипция	«котильон»	Транскрипция
jackonet	«муслин»	Уподобление	«муслин»	Уподобление
dressed ball	«костюмированный бал»	Калькирование	«парадный бал»	Уподобление
greatcoat	«плащ»	Уподобление	«пальто»	Уподобление

phaeton	«фаэтон»	Транскрипция	фаэтон	Транскрипция
sarsenet	«шелк»	Гипо-гиперонимический перевод	«тафта»	Уподобление
travelling-chaise	«карета»	Гипо-гиперонимический перевод	«карета»	Гипо-гиперонимический перевод
incumbent	-		«покровитель»	Гипо-гиперонимический перевод
rampart	«крепостной вал»	Перифрастический перевод	«крепостной вал»	Перифрастический перевод
convent	«монастырь»	Уподобление	«монастырь»	Уподобление
mess-room	«офицерская столовая»	Перифрастический перевод	«офицерская столовая»	Перифрастический перевод
curricule	«шарабан»	Уподобление	«кюррикель»	Транскрипция
outrider	«всадник»	Уподобление	«верховой»	Уподобление
scud	«разразившийся дождь»	Перифрастический перевод	«дождевой поток»	Перифрастический перевод
scullery	«чулан»	Уподобление	«буфетная»	Уподобление
family pew	«фамильная скамья»	Калькирование	«семейная скамья»	Калькирование
chandler ('s)	«мелочная лавка»	Уподобление	«лавка»	Уподобление
parsonage	«дом пастора»	Перифрастический перевод	«пасторат»	Калькирование
curate	«приход»	Гипо-гиперонимический перевод	«викарий»	Уподобление
peerage	«титул»	Гипо-гиперонимический перевод	«титул»	Гипо-гиперонимический перевод
leave of absence	«отпуск»	Уподобление	«отпуск»	Уподобление
antechamber	«прихожая»	Уподобление	«передняя»	Уподобление
sash window	«окна с подъёмными рамами»	Перифрастический перевод	«подъёмные окна»	Перифрастический перевод
quadrangle	«четырёхугольный двор»	Перифрастический перевод	«четырёхугольный	Перифрастический перевод

			двор»	
counterpane	«покрывало»	Уподобление	«стёганое покрывало»	Уподобление
post-boy	«кучер»	Уподобление	«фореитор»	Уподобление

Проанализировав два перевода романа «Нортенгерское аббатство», выполненные И. С. Маршаком и А. Б. Грызуновой, мы изучили использованные ими способы передачи английских реалий на русский язык и представили эти данные в виде изображённых ниже диаграмм.

Рисунок 4

Рис. 4 Способы перевода реалий в варианте И. С. Маршака

Как мы можем заметить, И. С. Маршак чаще всего прибегал к уподоблению (13 случаев) – то есть, заменял в переводе реалии английского общества на более понятные, знакомые русскому реципиенту. Этот способ обеспечивает высокую степень понятийного сходства, и реалии, встречающиеся читателю в тексте, не кажутся «чужими». Следующие по частоте употребления – перифрастический и гипо-гиперонимический переводы (по 8 случаев). Замена видового понятия родовым, что происходит при гипо-гиперонимическом переводе, даёт возможность «уйти» от пространного описания реалии, но при этом сохранить

необходимый смысл. Перифрастический перевод автор выбирает в тех случаях, когда даётся описание природы или окружающей героя обстановки – словом, когда это уместно и не будет выглядеть громоздко. Транскрипция (3 случая) используется тогда, когда лексема, называющая реалию, была заимствована английским языком. Это позволяет сохранить образность реалий оригинала. К калькированию переводчик прибегает лишь один раз, что неудивительно, ведь с этим способом требуется наибольшая аккуратность при переводе.

Следует отметить, что И. С. Маршак выпустил одну реалию (“incumbent”) из текста, по всей видимости, посчитав, что информация, заложенная в ней, избыточна и легко восстанавливается из контекста. В данной ситуации мы соглашались с этим переводческим решением, однако злоупотребление таким методом может привести к потере национально-культурного компонента произведения.

Рисунок 5

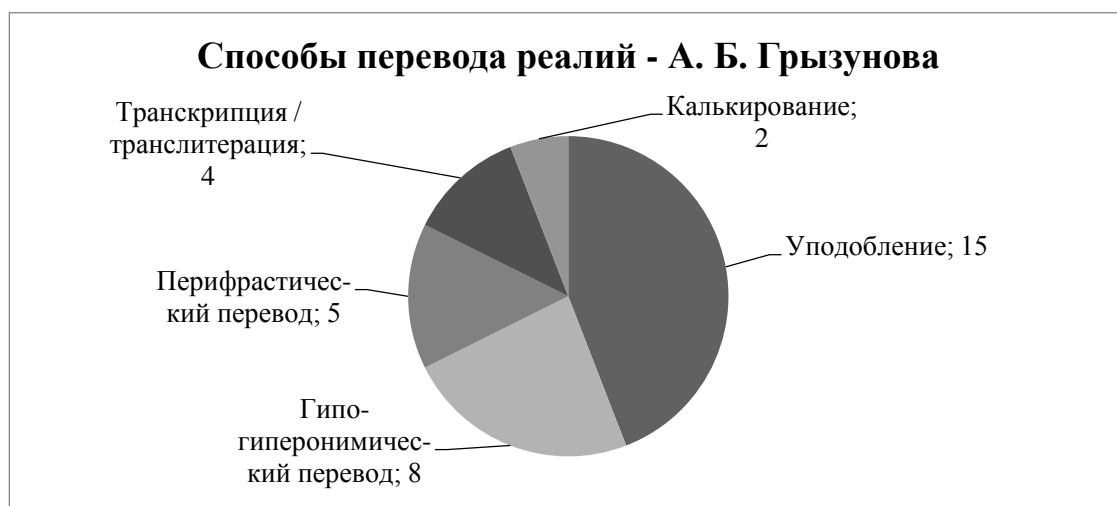

Рис. 5 Способы перевода реалий в варианте А. Б. Грызуновой

В варианте перевода, предложенном А. Б. Грызуновой, среди способов перевода реалий также преобладает уподобление (15 случаев), что также обеспечивает понятийное сходство реалий оригинала и их эквивалентов. В отличие от И. С. Маршака, она чаще прибегает к гипо-гиперонимическому переводу (8

случаев), нежели к перифрастическому (5 случаев), вероятно, руководствуясь принципом языковой экономии. Также А. Б. Грызунова активнее использует транскрипцию (4 случая) и калькирование (2 случая) при переводе реалий, что, на наш взгляд, не всегда обоснованно.

Таким образом, мы можем отметить, что соотношение применённых способов в двух переводах романа «Нортенгерское аббатство» совпадает, следовательно, в целом переводческие стратегии похожи и направлены на более полную передачу понятий произведения и воссоздание его национально-специфической атмосферы.

2.3 Сопоставительный анализ дефиниций реалий оригинала с эквивалентами переводов

На основном этапе анализа национально-специфических реалий мы изучили и сопоставили словарные определения оригинальных лексем и их эквивалентов в текстах двух переводов. Поскольку основным методом нашего исследования является компонентный анализ в его дефиниционной разновидности, мы проанализировали семантические составляющие определений оригинальный реалий и их эквивалентов. При выполнении анализа мы пользовались следующими источниками: Большой толковый словарь русского языка, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Большой толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова, толковые словари английского языка, представленные на порталах Dictionary.com, Vocabulary.com, а также онлайн-версия Оксфордского словаря. Среди найденных нами реалий было выделено 12 единиц, эквиваленты которых в двух переводах совпадают. Они составляют отдельную группу и делятся на две подгруппы по совпадению и несовпадению объёма лексического значения оригинальной и переводной лексемы. Оставшие-

ся реалии мы проанализировали с точки зрения того, кому из авторов перевода удалось полнее сохранить лексическое значение оригинальной лексемы и какие способы перевода этому способствовали.

2.3.1 Совпадение эквивалентов

Проанализировав национально-специфические реалии романа «Нортенгерское аббатство» и их эквиваленты в переводах авторства И. С. Маршака и А. Б. Грызуновой, мы обнаружили, что 12 реалий имеют одинаковые эквиваленты. В четырёх случаях мы можем наблюдать сохранение национально-специфического компонента оригинальной реалии в переводе в результате полного или практически полного сохранения объёма лексического значения.

Реалия “guinea” имеет следующее толкование:

- “an English gold coin issued from 1663 to 1813 and fixed in 1717 at 21 shillings; a unit of value equal to one pound and one shilling” [MW].

В текстах перевода данная реалия затранскрибирована и представлена лексемой «гинея», определение которой в толковом словаре совпадает с определением оригинала:

- «старинная английская золотая монета достоинством в 21 шиллинг» [БТС].

В данном случае мы наблюдаем совпадение объёма лексического значения.

Реалия “tipplet” имеет следующее словарное определение:

- “a woman's long fur scarf or shawl worn around the neck and shoulders” [OLD].

В обоих переводах в качестве эквивалента используется лексема «палантин». Рассмотрим её дефиницию:

- «женский широкий, обычно меховой или бархатный шарф, накидываемый на плечи» [БТС].

В данном случае мы видим практически полное совпадение лексического объёма двух единиц.

Подобную ситуацию наблюдаем в случае с реалией “convent”. В переводах она репрезентована лексемой «монастырь». Сопоставим определения англоязычной реалии и русскоязычного эквивалента:

- “1. a Christian community of nuns living together under monastic vows.
1.1 a school attached to and run by a convent.
1.2 the building or buildings occupied by a convent” [OLD].
- «1. религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой церковно-хозяйственную организацию, владеющую землями и капиталами.
2. церковь, жилые помещения и территория, принадлежащие такой общине.
3. собир. члены этой общины.
4. Устар. закрытое учебное заведение при женском монастыре (для девушек).
5. Разг. об аскетическом, уединённом образе жизни, времяпрепровождении и т.п.» [БТС].

Как мы можем наблюдать, все основные семы определения оригинальной реалии отражены в определении эквивалентной лексики, соответственно, никакое значение не было упущено.

Реалия “quadrangle” в обоих переводах передана описательно, при помощи словосочетания «четырёхугольный двор». Рассмотрим дефиницию реалии оригинала:

- “a square or rectangular space or courtyard enclosed by buildings” [OLD].

Поскольку значение лексики «четырёхугольный» очевидно из её составных частей, уточняем толкование слова «двор»:

- «участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий» [БТС].

Как видно из дефиниции, словосочетание «четырёхугольный двор» передаёт все семы оригинальной реалии, соответственно, мы можем говорить о совпадении объёма лексического значения и сохранении национально-культурного компонента.

В остальных восьми случаях некоторые семы при переводе теряются, следовательно, утрачивается национально-специфический компонент произведения.

Реалия “lodging” передана при помощи эквивалента «комнаты» в обоих вариантах перевода. Сравним дефиниции оригинальной реалии и эквивалента:

- “1. temporary accommodation.

1.1 (usually "lodgings") a room or rooms rented out to someone, usually in the same residence as the owner” [OLD].

- «отдельное помещение в квартире, доме, отгороженное стенами, перегородками. // мн.: комнаты, -нат. Жилые помещения в квартире, доме (в противоположность кухне, прихожей и т.п.). Меблированные комнаты (род гостиницы, в которой сдавались комнаты вместе с обстановкой)» [БТС].

В данном случае мы наблюдаем несовпадение объёма лексического значения, так как при использовании гипо-гиперонимического способа перевода теряется значение «проживания в том же здании, что и владелец».

Реалия “jackonet” в переводах имеет эквивалент «муслин». Сравним словарные дефиниции оригинальной и переводной лексем:

- “a lightweight cotton cloth with a smooth and slightly stiff finish” [OLD].
- «лёгкая тонкая хлопчатобумажная или шёлковая ткань» [БТС].

В данном случае в качестве способа перевода было использовано уподобление, и хотя эквивалент довольно близок по значению, в нём появляется дополнительный фрагмент значения «шёлковый», которой нет в оригинале. Соот-

ветственно, данный аналог расходится в полноте лексического значения с оригиналом.

Реалия “phaeton” в обоих переводах затранскрибирована, в результате чего мы имеем эквивалент «фаэтон». Русский и английский толковые словари дают следующие определения:

- “a light, open four-wheeled horse-drawn carriage” [OLD].
- «конная коляска с откидным верхом» [БТС].

Как мы можем наблюдать, дефиниция эквивалента не уточняет такую специфику данного транспортного средства, как размер и количество колёс, соответственно, в данном случае мы имеем незначительную потерю объёма лексического значения.

Подобное несовпадение объёма значения встречаем и при переводе реалии, называющей другой тип транспорта – “travelling-chaise”. Словарь приводит следующую дефиницию данной реалии:

- “a light open horse-drawn carriage, esp. one with two wheels designed for two passengers” [OLD].

В текстах обоих переводов мы находим эквивалент «каре́та», что является родо-видовой заменой оригинальной лексемы. Рассмотрим её толкование:

- «закрытый со всех сторон четырёхколёсный конный экипаж на рессорах» [БТС].

Помимо того, что дефиниция русскоязычного эквивалента содержит технические спецификации, отсутствующие в дефиниции оригинальной реалии, она также теряет значение «предназначенный для двух пассажиров», а в микроконтексте оно является ключевым.

Реалия “rampart” имеет следующее определение:

- “a defensive wall of a castle or walled city, having a broad top with a walkway and typically a stone parapet” [OLD].

В переводах данная реалия репрезентована словосочетанием «крепостной вал». В словаре находим следующие определения лексем «крепость» и «вал»:

- «крепость» – «укреплённый пункт, подготовленный к круговой обороне и длительной борьбе в условиях осады» [БТС].
- «вал» – «длинная земляная насыпь, гряда земли (оборонительного или хозяйственного назначения)» [БТС].

Как мы видим, в данном случае дефиниция оригинальной лексемы более детальная и содержит такие элементы значения, как «стена», «проход», «парапет», отсутствующие в дефинициях обеих лексем русского языка. Соответственно, говорить о совпадении объёма лексического значения мы не можем.

Реалия “mess-room” имеет следующее толкование:

- “a room or building providing meals and recreational facilities for workers or military personnel” [OLD].

В текстах переводов встречаем эквивалент «офицерская столовая». Рассмотрим дефиниции лексем «офицер» и «столовая»:

- «офицер» – «лицо командного и начальствующего состава армии и флота» [БТС];
- «столовая» – «особая комната с обеденным столом для приёмов пищи» [БТС].

В данном случае словосочетание, передающее оригинальную реалию на русский язык, теряет фрагмент значения «отдых», впрочем, сохраняя все остальные элементы. Однако при этом национально-специфический компонент всё же утрачивается, так как объём лексического значения не совпадает.

Реалия “peerage” в переводах имеет эквивалент «титул». Сравним дефиниции оригинальной реалии и её эквивалента:

- “1 the title and rank of peer or peeress;
1.1 ("the peerage") peers as a class” [OLD].

Дефиницию данной реалии невозможно анализировать в отрыве от значения лексемы “peer”, которая для русского языка также является реалией:

- “a member of the nobility in Britain or Ireland, comprising the ranks of duke, marquess, earl, viscount, and baron” [OLD].

Проанализируем семантический состав определения лексемы «титул»:

- «1. официальное почётное наследственное или жалованное дворянское звание, требующее соответствующего обращения (величество, сиятельство, высочество и т.п.).

2. наименование; звание, даваемое кому-л. в знак признания заслуг, успехов в какой-л. деятельности» [БТС].

Как мы можем отметить, эквивалент «титул» сохраняет значения «дворянского звания», при этом добавляя компоненты значения «наследственный» и «жалованный». Кроме того, сама дефиниция оригинальной реалии содержит указание на национальную специфику, которая не была передана в переводах.

Реалия “leave of absence” имеет следующее толкование:

- “the period of time during which you are absent from work or duty” [VC].

В переводе она репрезентована лексемой «отпуск», значение которой незначительно, но всё же расходится с оригиналом:

- «освобождение от работы, службы на определённый срок для отдыха и других целей» [БТС].

Дефиниция англоязычной реалии содержит значение «ограниченного периода времени», которое не сохраняется в определении русскоязычной реалии. Кроме того, оно добавляет фрагмент значения «цель», и поэтому мы не можем говорить о совпадении объёма лексического значения и сохранения национального компонента.

2.3.2 Сравнение эквивалентов двух переводов

Далее мы приводим сравнение эквивалентов реалий в двух переводах и рассматриваем способы перевода в рамках передачи национально-культурного компонента значения.

- “bank-bill”: “a bill of exchange drawn by one bank on another” [OLD]. В переводе И. С. Маршака встречаем эквивалент "чек". Словарное определение данной лексемы следующее: «финансовый документ с распоряжением вкладчика банку о выдаче или перечислении предъявителю определённой суммы с текущего счёта» [БТС]. В переводе А. Б. Грызуновой данная реалия передана при помощи эквивалента «кредитный билет». Толковый словарь в статье «кредит» приводит уточнение значения этого выражения следующим образом: «бумажный денежный знак» [БТС]. В обоих случаях используется приём уподобления, который не позволяет сохранить объём значения оригинальной реалии.

- “chaperone”: “1. a person who accompanies and looks after another person or group of people. 1.1 (dated) an older woman responsible for the decorous behaviour of a young unmarried girl at social occasions” [OLD].

И. С. Маршак в своём переводе предпочёл выпустить данную реалию и заменить её именем собственным того персонажа, который в романе выполняет описанную социальную функцию. Следовательно, национально-специфический компонент полностью утрачивается. В варианте перевода А. Б. Грызуновой в данном контексте встречаем лексему «дуэнья». В толковом словаре находим следующую дефиницию: «Устар. В Испании и некоторых других странах: пожилая женщина, наблюдавшая за поведением, нравственностью девушки, молодой женщины и всюду её сопровождавшая» [БТС]. Как мы можем заметить, приём уподобления в данном случае позволяет сохранить все основные элементы значения. Однако уточнение «в Испании»

отсылает нас к другой культуре, и даже в тексте романа данная лексема выглядит несколько инородной, поэтому мы снова не можем говорить о сохранении английского национального компонента.

- “pump-room”: “1. a room, building, or compartment in which pumps are housed or from which they are controlled. 1.1 a room at a spa where medicinal water is dispensed” [OLD].

В переводе И. С. Маршака в данном контексте находим эквивалент «галерея-бювет». Рассмотрим значение каждой лексемы данного сложного слова по отдельности:

- «галерея» – «длинное и узкое помещение, проход, коридор, соединяющий части здания или разные здания; длинный балкон вдоль здания. // длинное строение, с застеклёнными стенами или открытое с боков, предназначенное для прогулок, отдыха и т.п» [БТС].

- «бювет» – «сооружение над минеральным источником, откуда непосредственно получают воду для питья» [БТС].

Как мы можем наблюдать, в данном случае лексема «галерея» вводит дополнительные элементы значения, которых не имеет оригинальная реалья, следовательно, данный эквивалент имеет избыточное значение. А. Б. Грызунова в данном контексте ограничилась лексемой «бювет», что позволило сохранить максимальное количество компонентов значения и не внесло избыточности. Поэтому мы считаем именно её вариант наиболее удачным в рамках сохранения национально-специфического компонента несмотря на то, что оба переводчика использовали приём уподобления.

- “pelisse”: (historical) “a woman's ankle-length cloak with armholes or sleeves” [OLD].

Данная реалья в переводе И. С. Маршака передана при помощи эквивалента «ротонда». Толковый словарь приводит следующую дефиницию: «верхняя женская тёплая одежда в виде длинной накидки без рукавов, рас-

пространённая в 19 - начале 20 вв.» [БТС]. В данном случае используется приём уподобления, который позволяет сохранить максимальное количество фрагментов значения при незначительных отличиях. А. Б. Грызунова использует гипо-гиперонимический перевод и использует лексему «накидка» – «верхняя одежда без рукавов, но с прорезями по бокам для рук; род плаща. // надеваемая, накидываемая на плечи пелерина из меха, кружев и т.п.» [БТС]. Данный эквивалент утрачивает национально-специфический компонент ввиду сохранения меньшего количества элементов значения.

- “see-saw”: “1. a long plank balanced in the middle on a fixed support, on each end of which children sit and swing up and down by pushing the ground alternately with their feet. 1.1 a situation characterized by rapid, repeated changes from one state or condition to another” [OLD].

Дефиниция данной реалии содержит переносное значение, сохранить которое не удалось ни одному из переводчиков. В варианте перевода И. С. Маршака используется эквивалент «качели» – «сооружение, на котором качаются для забавы - сиденье, подвешенное к столбам или перекладине» [БТС]. А. Б. Грызунова предлагает лексему «доска», основное значение которой – «плоский с обеих сторон кусок дерева небольшой толщины, выпиленный или вытесанный из бревна» [БТС]. В обоих случаях приём гипо-гиперонимического перевода не позволил сохранить национальный компонент значения.

- “cotillion”: “1. a formal ball given especially for debutantes. 2. a lively French social dance originating in the 18th century, consisting of a variety of steps and figures and performed by couples. 3. any of various dances resembling the quadrille. 4. music arranged or played for these dances. 5. a formalized dance for a large number of people, in which a head couple leads the other dancers through elaborate and stately figures” [DC].

И. С. Маршак в своём варианте перевода использует словосочетание «котильонный бал». Рассмотрим дефиницию каждой составляющей лексемы:

– «котильон» – «старинный танец - кадрили, фигуры которой перемежаются вальсом, полькой и другими танцами; музыка к этому танцу» [БАС, МАС];

– «бал» – «большой танцевальный вечер» [БАС, МАС].

В варианте перевода А. Б. Грызуновой данная реалия затранскрибирована и репрезентована лексемой «котильон». Соответственно, вариант И. С. Маршака сохраняет большее количество элементов значения благодаря лексеме «бал», но оба эквивалента теряют такие фрагменты значения, как «формальность», «дебютанты», «большое количество людей» и т. д., поэтому национально-специфический компонент утрачивается.

• “dressed ball”: “1. a large, usually lavish, formal party featuring social dancing and sometimes given for a particular purpose, as to introduce debutantes or benefit a charitable organization. 2. a social function for dancing, esp. one that is lavish or formal” [CED].

В переводе И. С. Маршака данная реалия репрезентована лексемами «костюмированный бал». В данном случае мы можем считать этот способ перевода калькированием. Толковый словарь даёт следующие дефиниции входящих в состав эквивалента лексем:

– «костюмированный» – «о бале, вечере - с участниками, одетыми в маскарадные костюмы» [БАС, МАС];

– «бал» – «большой танцевальный вечер» [БАС, МАС].

Как мы видим, этот вариант утрачивает элементы значения «формальность и торжественность», а также добавляет компонент «маскарад», хотя оригинальная реалия такового не содержит. А. Б. Грызунова в своём варианте перевода прибегает к приёму уподобления и выбирает эквивалент «парад-

ный бал». Обратившись к словарю, находим, что дефиниция лексемы «парадный» включает в себя следующие толкования: «праздничный, торжественный / передний, главный» [БТС]. В данном случае мы наблюдаем, что вариант А. Б. Грызуновой сохраняет значение формальности и торжественности и не добавляет «лишних» значений. Также стоит отметить, что ни один из русских эквивалентов не сохранил фрагмент значения «определённая цель мероприятия». Таким образом, мы видим, что ни одному из переводчиков не удалось полностью сохранить все национально-культурные компоненты оригинальной реалии, но А. Б. Грызуновой удалось более полно передать объём лексического значения, поэтому в этом случае её вариант перевода можно считать более удачным.

- “greatcoat”: “a long heavy overcoat” [MW].

Данную реалию И. С. Маршак передаёт при помощи эквивалента «плащ», а А. Б. Грызунова – «пальто». Способ перевода в обоих случаях – уподобление. Рассмотрим словарные дефиниции каждой из лексем:

– «плащ» – «1. верхняя широкая одежда без рукавов, надеваемая внакидку и крепящаяся у подбородка или застёгивающаяся на пуговицы. // одежда такого покроя из непромокаемого материала; дождевик. 2. непромокаемое пальто» [БТС];

– «пальто» – «род верхней одежды длинного покроя, обычно ниже колен, надеваемое поверх платья, костюма и т.п.» [БТС].

Как мы можем наблюдать, значение эквивалента, подобранного А. Б. Грызуновой, гораздо ближе к значению оригинальной реалии ввиду отсутствия фрагмента значения «непромокаемый», которая входит в состав дефиниции лексемы «плащ», следовательно, ей удалось сохранить национально-специфический компонент.

- “sarsenet”: “a fine, soft silk fabric, used as a lining material and in dressmaking” [OLD].

Для передачи данной реалии на русский язык, И. С. Маршак использует гипероним «шёлк» – «1. вещество, выделяемое гусеницами тутового шелкопряда и загустевающее на воздухе в виде тонких нитей. 2. пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна. 3. ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна. 4. одежда из такой ткани. 5. то, что мягкостью, блеском и т.п. напоминает такие нитки или ткань» [БТС]. Несмотря на то, что некоторые элементы значения сохранены, дефиниция русского эквивалента гораздо шире и включает в себя большее их количество. А. Б. Грызунова прибегает к приёму уподобления и выбирает лексему «тафта» – «плотная шёлковая или хлопчатобумажная глянцеви́тая ткань полотняного переплетения с поперечными мелкими рубчиками» [БТС]. Ввиду таких уточняющих компонентов значения, как «плотный», «поперечные мелкие рубчики» и т. д., дефиниция лексемы значительно расходится с оригиналом, следовательно, в обоих случаях национально-специфический компонент утрачен.

- “incumbent”: “1. the holder of an office or post. 1.1 (Christian Church) the holder of an ecclesiastical benefice” [OLD].

В варианте перевода И. С. Маршака данная реалия выпущена из текста произведения, в результате чего национальный компонент утрачивается. А. Б. Грызунова использует приём гипо-гиперонимического перевода, а именно, лексему «покровитель». Толковый словарь приводит следующую дефиницию: «тот, кто покровительствует кому-, чему-л» [БТС]. Для более точного раскрытия значения необходимо проанализировать дефиницию лексемы «покровительство» – «1. защита, заступничество, оказываемые кому-л. 2. благоприятные отношения, поощрение какой-л. деятельности» [БТС]. Сравнив дефиниции оригинальной и переводной лексем, мы видим, что совпадающих фрагментов значения практически нет, следовательно, национально-специфический компонент не сохранён.

- “curricule”: (historical) “a light, open, two-wheeled carriage pulled by two horses side by side” [OLD].

В переводе И. С. Маршака данная реалия репрезентована лексемой «шарабан», что является приёмом уподобления. Толковый словарь приводит следующее определение данной лексики: «1. старинный открытый четырёхколёсный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов. 2. одноконный двухколёсный экипаж». В переводе А. Б. Грызуновой реалия затранскрибирована и передана лексемой «кюррикель», дефиницию которой мы нашли в Словаре иноязычных и устаревших слов А. С. Грибоедова: «экипаж (кабриолет)» [СИУС]. Обратимся к толковому словарю для уточнения значений лексем, входящих в состав определения:

- «экипаж» – «лёгкая рессорная повозка для пассажиров» [БТС];
- «кабриолет» – «1. тип кузова легкового автомобиля с откидывающимся мягким верхом (тентом) или со съёмной металлической крышей. // автомобиль с таким кузовом. 2. Устар. лёгкая двухколёсная повозка на высоком ходу с одним сиденьем без козел, в которую впрягается одна лошадь; шарабан» [БТС].

Из определений видно, что лексема «экипаж», встречающаяся в дефинициях двух эквивалентов, сохраняет компонент значения «лёгкий», а устаревшее значение лексики «кабриолет», описывающей эквивалент «кюррикель», приравнивается к эквиваленту «шарабан». В таком случае, единственное расхождение заключается в количестве лошадей, поэтому мы можем говорить о практически полной передаче объема лексического значения. Но этимологически лексема «шарабан» была заимствована из французского языка, а «кюррикель», хоть и может требовать сноски для русскоязычного читателя ввиду низкой частотности употребления лексики в языке, помимо компонентов значения, также сохраняет форму оригинальной реалии, поэто-

му данная лексема может считаться более предпочтительной для сохранения национально-специфического компонента.

- “outrider”: “a person in a motor vehicle or on horseback who goes in front of or beside a vehicle as an escort or guard” [OLD].

Данная реалия в переводе И. С. Маршака репрезентована лексемой «всадник» - «человек, едущий верхом на лошади; наездник; верховой» [БТС], а в переводе А. Б. Грызуновой используется лексема «верховой» - «1. относящийся к передвижению верхом, связанный с таким передвижением. 2. едущий верхом» [БТС]. Оба эквивалента представляют собой приём уподобления. Сравнив дефиниции русскоязычных лексем, мы можем заметить, что они синонимичны и ссылаются друг на друга, при этом обе теряют элементы значения «сопровождение» и «охрана», следовательно, объём значения передан не полностью.

- “scud”: “1. (literary) a mass of vapoury clouds or spray driven fast by the wind. 1.1 a driving shower of rain or snow; a gust” [OLD].

Ввиду экстралингвистических различий в нашем языке отсутствует лексема, передающая данное значение. Поэтому в обоих вариантах используется перифрастический способ перевода. И. С. Маршак использует словосочетание «разразившийся дождь». Проанализируем дефиниции каждой из составляющих его лексем:

- «разразиться» – «внезапно начаться, произойти, проявиться (о ненастье, бедствиях и т.п.)» [БТС];

- «дождь» – «атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды» [БТС].

А. Б. Грызунова использует эквивалент «дождевой поток». Для анализа также разложим его на отдельные лексемы:

– «дождевой» – «обильный дождём; несущий дождь. // предназначенный для защиты от дождя. // предназначенный для стока вод, образовавшихся вследствие дождя» [БТС];

– «поток» – «1. стремительно текущая река или ручей. 2. движущаяся в каком-л. направлении (направлениях) масса чего-л.» [БТС].

Как можно заметить, русскоязычные эквиваленты сохраняют все основные компоненты значения оригинальной реалии. Единственное весомое отличие заключается во фрагменте «снег», но поскольку контекст подразумевает «дождь», то мы можем считать, что объём лексического значения в обоих случаях передан настолько полно, насколько это возможно.

- “scullery”: (historical) “a small kitchen or room at the back of a house used for washing dishes and other dirty household work” [OLD].

В данном случае оба переводчика используют приём уподобления. И. С. Маршак выбирает эквивалент «чулан» – «подсобное помещение в жилом доме; кладовая» [БТС]. В варианте А. Б. Грызуновой встречаем лексику «буфетная» – «комната, в которой хранятся посуда и продукты, приготовляются закуски, чай и т.п.» [БТС]. Ни один из эквивалентов по своему значению не соответствует оригинальной реалии ввиду потери элемента значения «грязная домашняя работа», следовательно, национально-специфический компонент вновь утрачивается вследствие неполной передачи объёма значения.

- “family pew”: “(historical) a pew in a church, chapel, etc., permanently reserved for the use of a particular (usually upper-class) family” [OLD].

При переводе данной реалии оба переводчика используют способ калькирования. В переводе И. С. Маршака встречаем словосочетание «фамильная скамья». Толковый словарь приводит следующие дефиниции входящих в его состав лексем:

– «фамильный» – «1. семейный. 2. наследственный, передающийся по фамилии» [ТСУ];

– «скамья» – «приспособление для сидения, сделанное обычно из доски или тонких досок на стойках» [БТС].

Эквивалент, предложенный А. Б. Грызуновой, расходится с предыдущим в одной лексеме – «семейная скамья». В Большом толковом словаре находим следующую дефиницию: «семейный» - «1. имеющий семью, не одинокий. 2. относящийся к семье; связанный с жизнью семьи, в семье. // предназначенный для семьи; рассчитанный на семью. 3. относящийся только к данному коллективу или данным лицам» [БТС]. Сравнив компоненты всех определений, мы можем отметить, что оригинальная реалия содержит фрагменты значения «церковь», «постоянно зарезервированный», «семья из высшего общества», которые не отражены ни в одной из вариантов перевода, следовательно, национально-специфический компонент не передан.

• “chandler(‘s)”: “1. a dealer in supplies and equipment for ships and boats. 2. (historical) a dealer in household items such as oil, soap, paint, and groceries” [OLD].

В обоих вариантах перевода используется приём уподобления. И. С. Маршак передал оригинальную реалию при помощи аналога «мелочная лавка». Проанализируем дефиниции входящих в словосочетание лексем:

– «мелочной» – «(устар.) относящийся к торговле мелкими вещами, мелочью (в 1 знач.)» [БТС];

– «лавка» – «небольшой магазин» [БТС].

А. Б. Грызунова в своём варианте перевода предлагает лексему «лавка». Сопоставив определения оригинальной реалии и лексем, входящих в состав эквивалентов, мы видим, что русскоязычный эквивалент подразумевает

торговлю совершенно другими товарами, нежели оригинальная реалья. Соответственно, национально-специфический компонент вновь утрачен.

- “parsonage”: “a church house provided for a member of the clergy” [OLD].

Данная реалья в переводе И. С. Маршака репрезентована при помощи перифрастического перевода словосочетанием «дом пастора». Проанализируем дефиниции входящих в состав определения лексем:

– «дом» – «1. здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. жилое помещение, квартира; жильё. // Разг. жильцы одного дома, строения. / о помещении, служащем временным жильём на время выполнения человеком какой-л. работы. // только ед. о месте, где живут люди, объединённые общими условиями существования, общими интересами и т.п. / о месте жительства, работы и т.п., ставшем для человека родным, своим» [БТС];

– «пастор» – «(религ.) протестантский священник» [БТС].

В варианте перевода А. Б. Грызуновой в данном контексте встречаем калькированную лексему «пасторат». Словарь приводит следующую дефиницию: «1. (только ед.) звание, должность пастора. 2. жилище пастора. || его приход» [БТС].

Как видно из всех дефиниций, оба эквивалента довольно точно описывают основное значение оригинальной реалии, но ни один из них не сохраняет компонент «дом при церкви», следовательно, объём значения передан не полностью.

- “curate”: “1. a member of the clergy engaged as assistant to a vicar, rector, or parish priest. 1.1 (archaic) a minister with pastoral responsibility” [OLD].

И. С. Маршак использует приём гипо-гиперонимического перевода и передаёт оригинальную реалью при помощи лексемы «приход» - «1. Церк. низшая церковно-административная единица, церковь с причтом. 2. церков-

ная община (прихожане)» [БТС]. Мы можем считать русскоязычный эквивалент гиперонимом по отношению к оригинальной лексеме, так как помощник священника также относится к членам церковной общины, тем не менее, при переводе теряется даже основное значение, поэтому национально-специфический компонент утрачивается. А. Б. Грызунова прибегает к способу уподобления и подбирает аналог «викарий» - «1. в православной церкви: помощник епископа по управлению епархией; епископ без епархии. 2. в протестантской церкви: помощник священника» [БТС]. Поскольку в контексте британской культуры нас интересует второе значение лексемы, мы можем отметить, что объём значения передан максимально полно, следовательно, в данном случае удалось сохранить национально-специфический компонент.

- “antechamber”: “a small room leading to a main one” [OLD].

Данная реалия в обоих вариантах перевода передана при помощи способа уподобления. И. С. Маршак использует лексему «прихожая» – «первое при входе в квартиру помещение, где оставляют верхнюю одежду, уличную обувь и т.п.» [БТС]. В переводе А. Б. Грызуновой встречаем синонимичную лексему «передняя» – «первая при входе в квартиру нежилая комната для снятия верхней одежды, обуви; прихожая» [БТС]. Оба эквивалента имеют дополнительную по отношению к оригинальной реалии элемент значения «оставлять/снимать верхнюю одежду», поэтому мы можем считать полноту объёма лексического значения избыточной, что не позволяет сохранить национально-культурный компонент.

- “sash window”: “a window with one or two sashes which can be slid vertically to make an opening” [OLD].

Оба варианта перевода в данном контексте используют описательный способ перевода: «окна с подъёмными рамами» у И. С. Марашка и «подъёмные окна» у А. Б. Грызуновой. Мы нашли следующее толкование словосочетания «подъёмное окно» – «окно без петель с вертикально поднимающейся

рамой» [БТС], что практически полностью сохраняет полноту значения оригинальной реалии, следовательно, в обоих случаях мы можем считать, что национально-специфический компонент был сохранён, однако вариант А. Б. Грызуновой более удачен.

- “counterpane”: “a bedspread” [OLD].

Для более точного анализа в данном случае нам также необходима дефиниция лексемы “bedspread”: “an outer covering, usually decorative, for a bed” [DC]. В переводе И. С. Маршака используется лексема «покрывало», что является примером способа уподобления – «кусоч ткани, предназначенный для покрывания чего-л., покрывающий что-л. // лёгкое одеяло, обычно служащее для покрывания постели днём» [БТС]. Мы можем отметить, что данные дефиниции весьма близки по составу компонентов значения, следовательно, объём лексического значения передан максимально полно, что позволяет сохранить национальную специфику. А. Б. Грызунова в данном контексте использует словосочетание «стёганое покрывало», что также является уподоблением, но добавляет дополнительные элементы значения из определения лексемы «стёганный» – «имеющий ватную, шерстяную и т.п. прокладку, прошитую насквозь крупными стежками» [БТС]. Следовательно, эквивалент, предложенный И. С. Маршаком, можно считать более подходящим для сохранения национально-специфического компонента значения.

- “post-boy”: “1. (formerly) a boy or man who rode post or carried mail. 2. a postilion” [DC].

Данная реалия в обоих вариантах перевода репрезентована при помощи приёма уподобления лексемами «кучер» у И. С. Маршака и «фореитор» у А. Б. Грызуновой соответственно. Проанализируем дефиниции обоих эквивалентов:

- «кучер» – «тот, кто правит запряжёнными в экипаж лошадьми; возница» [БТС];

– «фореитор» – «верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряжённых цугом» [БТС].

Поскольку ни один их эквивалентов не имеет в своём значении элемент «почта», мы не можем говорить о полной передаче объёма значения и национально-специфического компонента оригинала.

Таким образом, проанализировав эквиваленты и способы перевода реалий романа «Нортенгерское аббатство», мы выяснили, что в варианте перевода, выполненного И. С. Маршаком, полнота объёма значения совпадает в девяти случаях, а в варианте А. Б. Грызуновой – в десяти случаях из тридцати четырёх. Это в очередной раз доказывает, что реалии практически непереводимы на другой язык.

2.4 Связь между типом реалии, способом перевода и передачей объёма значения

По результатам анализа, изложенного в предыдущей главе, мы можем сделать выводы касательно того, какой тип реалий чаще всего сохраняет полноту лексического значения при переводе на другой язык и какие приёмы перевода этому способствуют.

На рисунке 6 представлена диаграмма, которая показывает связь между способами перевода и полнотой передачи лексического значения.

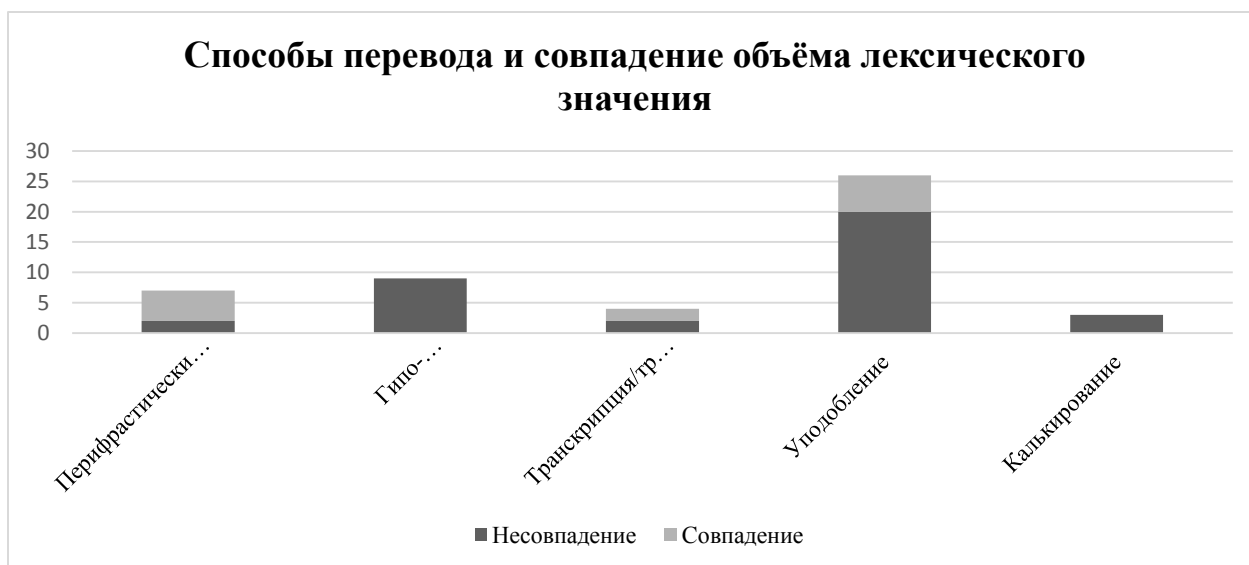

Рис. 6 Связь между способами перевода и передачей объёма лексического значения

Как мы можем наблюдать, перифрастический способ перевода чаще остальных позволяет сохранить объём значения и его национально-специфические компоненты, а гипо-гиперонимический перевод и калькирование во всех случаях использования привели к несовпадению объёма значения. Несмотря на тот факт, что уподобление является наиболее частотным способом перевода, оно позволяет сохранить национально-специфический компонент лишь в трети случаев. Четыре случая использования приёма транскрипции разделились поровну в плане сохранения объёма значения, что подчёркивает, насколько это неоднозначный способ, с которым нужно быть особенно осторожным при переводе.

Также мы выявили, какой тип реалии при переводе чаще всего сохраняет полноту лексического значения. В данном случае нас интересовало именно предметное деление, так как оно отражает смысловое содержание реалий. Ниже

представлена таблица, которая отражает связь между типом реалии по предметному принципу и полноту передачи на русский язык в двух вариантах перевода.

Таблица 2

Классификация реалий по предметному делению и сохранение объёма лексического значения

№	Реалия	Тип реалии по предметному делению	Сохранение объёма значения в переводе И. С. Маршака	Сохранение объёма значения в переводе А. Б. Грызуновой
1	bank-bill	Этнографическая (деньги)	-	-
2	guinea	Этнографическая (деньги)	+	+
3	lodging	Этнографическая (быт)	-	-
4	chaperone	Этнографическая (быт)	-	-
5	pump-room	Этнографическая (быт)	-	+
6	pelisse	Этнографическая (быт)	+	-
7	see-saw	Этнографическая (быт)	-	-
8	tippet	Этнографическая (быт)	+	+
9	Cotillion	Этнографическая (искусство и культура)	-	-
10	jackonet	Этнографическая (быт)	-	-
11	dressed ball	Этнографическая (искусство и культура)	-	-
12	greatcoat	Этнографическая (быт)	-	+
13	phaeton	Этнографическая (быт)	-	-
14	sarsenet	Этнографическая (быт)	-	-
15	travelling-chaise	Этнографическая (быт)	-	-
16	incumbent	Общественно-политическая (сословия, касты и их члены)	-	-
17	rampart	Географическая (названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью)	-	-

		ностью)		
18	convent	Общественно-политическая (сословия, касты и их члены)	+	+
19	mess-room	Этнографическая (быт)	-	-
20	curricule	Этнографическая (быт)	-	+
21	outrider	Этнографическая (быт)	-	-
22	scud	Географическая (названия объектов физической географии и метеорологии)	+	+
23	scullery	Этнографическая (быт)	-	-
24	family pew	Этнографическая (быт)	-	-
25	Chandler ('s)	Этнографическая (быт)	+	-
26	parsonage	Общественно-политическая (сословия, касты и их члены)	-	-
27	curate	Общественно-политическая (сословия, касты и их члены)	-	+
28	peerage	Общественно-политическая (сословия, касты и их члены)	-	-
29	leave of absence	Этнографическая (быт)	-	-
30	antechamber	Этнографическая (быт)	-	-
31	sash window	Этнографическая (быт)	+	+
32	quadrangle	Этнографическая (быт)	+	+
33	counterpane	Этнографическая (быт)	+	-
34	post-boy	Этнографическая (быт)	-	-

По данным таблицы видно, что из 27 реалий, принадлежащих к классу этнографических, сохранение полноты лексического значения хотя бы в одном переводе встречается в 8 случаях. Из двух географических реалий на русский язык с сохранением полноты значения, следовательно, и национально-специфического компонента, переведена только одна. Öffentlich-

политические реалии, представленные пятью лексемами, сохраняют полноту значения хотя бы в одном из изученных переводов в двух случаях.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

- Максимально возможное сохранение объёма лексического значения обеспечивает перифрастический способ перевода;
- Несмотря на то, что большинство всех реалий романа принадлежат к группе этнографических, доля переведённых с сохранением национального компонента реалий выше в классе географических и общественно-политических реалий. Мы можем выдвинуть предположение о том, что этнографические реалии составляют наибольшую сложность при переводе, так как они отражают элементы повседневного быта, которые чаще встречаются как в нашей жизни, так и в литературе, и составляют национально-специфическую канву произведения. Географические реалии при отсутствии аналогов в переводящем языке переводятся перифрастическим способом, что не смотрится инородно в тексте произведения, а общественно-политические реалии во многих случаях имеют свои аналоги ввиду схожести общественных структур.

Проанализировав национально-специфические реалии романа Джейн Остин «Нортенгерское аббатство», их эквиваленты из вариантов перевода, выполненных И. С. Маршаком и А. Б. Грызуновой, и словарные дефиниции, мы установили, что роль этих лексем в создании уникального колорита произведения чрезвычайно важна, так как посредством реалий в романе отражена языковая картина мира английского дворянства XIX века.

Однако при переводе полное значение большинства реалий теряется, так как дефиниция использованного переводчиком эквивалента не содержит в себе фрагментов значения, важных для полного понимания лексемы. И в том случае,

если значение реалии передано не полностью, и она не производит на читателя перевода тот же эффект, что и на читателя оригинала, изначально знакомого с лексемой, мы можем говорить о потере национального компонента. Восприятие языковой картины мира, чуждой читателю перевода языковой и культурной общности, меняется.

По результатам сравнительного анализа двух вариантов перевода на предмет сохранения национально-культурного компонента, мы не можем сказать, что А. Б. Грызунова справилась с данной задачей значительно лучше, чем И. С. Маршак. Напротив, мы вновь убедились, что при любом переводе потери неизбежны. Реалии относятся к безэквивалентной лексике, поэтому они представляют особенную сложность для переводчика, и иногда национальным компонентом приходится жертвовать, чтобы суметь донести основной смысл лексемы и не препятствовать пониманию сюжета и идеи автора. Таким образом, полная передача языковой картины посредством реалий – важный при переводе фактор, но вместе с тем относительный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования мы комплексно изучили национально-специфические реалии и их связь с языковой картиной мира. Согласно поставленным перед нами **задачам**, мы проанализировали теоретическую базу по теме исследования и определили рабочие понятия данной выпускной квалификационной работы; определили круг реалий романа Дж. Остин «Нортенгерское аббатство» и, сопоставив словарные дефиниции реалий оригинала и их эквивалентов в переводах на русский язык на предмет полноты передачи лексического значения, выявили, как способы перевода и типы реалий влияют на передачу национально-специфического компонента значения. Таким образом, пользуясь **методами** сплошной выборки, сопоставительного и дефиниционного анализа, мы достигли поставленной **цели** и описали особенности языковой репрезентации национально-специфических реалий в оригинальном романе и его переводах на русский язык И. Маршака и А. Б. Грызуновой и сравнили тексты переводов на предмет более полной передачи национально-культурного компонента произведения.

В ходе работы мы пришли к следующему **выводу**: в большинстве случаев передать реалию на переводящий язык, сохраняя все элементы значения, в том числе те, которые содержат в себе национальный компонент, практически невозможно. Следовательно, переводчику требуется подобрать такой способ перевода, который максимально точно передаёт значение лексемы и не искажает восприятие читателем перевода языковой картины мира культурной общности исходного языка.

Мы считаем, что проведённое нами исследование может быть использовано на семинарах по теории и практике перевода при изучении безэквивалентной лексики в целом и национально-специфических реалий в частности. В этом заключается **практическая значимость** данной работы.

Перспективы исследования заключаются в анализе современных произведений британских авторов на предмет наличия реалий и сохранения национальной специфики в переводах, а также сопоставления литературы XVIII и XXI веков на предмет отражения языковой картины мира посредством реалий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдразакова Г.Ш. Особенности национальной языковой картины мира // Символ науки. – 2016. – №5-1 (17). – С. 259–262.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – Санкт-Петербург: Издательский центр «Академия», 2004. – 335 с.
3. Алексеева М.Л. Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского: Монография. Изд. 2-е, перераб. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2010. – 221 с.
4. Алексеева М.Л. Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2007. – №7. – С. 338–345.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Божко Е.М. Место реалий в системе художественного текста // Альманах современной науки и образования. – 2009. – №2-3. – С. 27–29.
7. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. / Пер. с нем., вступ. сл. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
10. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Р. Валент, 2012. – 408 с.

11. Гак В.Г. Теория и практика перевода. – М.: Международные отношения, 1997. – 348 с.
12. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С. 396–405.
13. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
14. Жук Е.Е. Реалии и способы их передачи при адаптации текста на иностранном языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2015. – №3. – С. 49–53.
15. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
16. Каналаш О.П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования // *Lingua Mobilis*. – 2011. – №27. – С. 60–64.
17. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
18. Латышев Л.К. Технология перевода: учебное пособие для подготовки переводчиков. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 287 с.
19. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. Вузов. – 2-е изд., перераб. и доп.. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
20. Межова М.В. Национально-культурный аспект перевода художественной литературы // Омский научный вестник. – 2008. – №6 (74). – С. 178–180.
21. Минченков А.Г., Минченков А.Г. К понятию реалии в современной теории перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – №2. – С. 46–59.

22. Морковкин В.В. Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М.: Институт, 1997. – 414 с.
23. Мороз Н.А. Когнитивный аспект перевода языковых реалий поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» с русского языка на английский язык // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №39. – С.115–117.
24. Рамазанова У.К. Передача слов, обозначающих национально-специфические реалии общественной жизни и материального быта // Системные технологии. – 2015. – №1 (14). – С. 65–77.
25. Рапопорт Л.С. Этнокультурный аспект французских реалий и его учёт при их переводе на русский язык // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: матер. II междун. науч. конф. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. – С. 244–247.
26. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967. – 365 с.
27. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: учеб. пособие. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
28. Сдобников В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. – 306 с.
29. Тер-Минасова С.В. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
30. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
31. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения. – М.: Просвещение, 1990. – 324 с.
32. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы): учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.

33. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
34. Ярцева К.В. Понятие «картина мира». Адаптивная функция картины мира // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2010. – №4. – С. 87–90.
35. Ceramella N. Linking Theory with practice: the Way to Quality Translation // Culture-Bound Translation and Language in the Global Era / edited by Nikčević-Batrićević A. and Knežević M. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 3–32.
36. Durdurenau I. Translation of Cultural Terms: Possible or Impossible? // Journal of Linguistic Intercultural Education. – 2011. – №4. – P. 51–63.

Источники материала

37. Остин Дж. Нортенгерское аббатство: Роман / Пер. с англ. И. С. Маршака. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 288 с.
38. Остин Дж. Гордость и предубеждение; Нортэнгерское аббатство: Романы / Пер. с англ. А. Грызуновой; вст. сл. Л. Сумм. – М.: Издательство «Э», 2016. – 576 с.
39. Austen J. Northanger Abbey. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2017. – 206 с.

Энциклопедии и словари

40. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
41. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 28.03.2018).

42. Грибоедов А.С. Словарь иноязычных и устаревших слов. Подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. — М.; Л.: Гослитиздат, 1959. — 775 с.
43. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. Том 3. Р – Я. Около 160 тысяч слов. — М.: АСТ, 2007. — 973 с.
44. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. — URL: <http://enc-dic.com/academic/> (дата обращения: 14.04.2018)
45. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
46. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. — М.: Альта-Принт, 2008. — 1239 с.
47. Collins English Dictionary online [Electronic resource]. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 20.02.2018)
48. Dictionary.com. [Electronic resource]. — URL: <http://www.dictionary.com/> (дата обращения: 20.02.2018).
49. Merriam-Webster Dictionary. — 2017 [Electronic resource]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.03.2018).
50. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource]. — URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 14.04.2018).
51. Oxford Living Dictionaries. [Electronic resource]. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 14.04.2018).
52. Vocabulary.com. [Electronic resource]. — URL: <https://www.vocabulary.com/> (дата обращения: 20.02.2018).